

Дуйсенбеков Д.Д., Нурадинов А.С., Абрелева М.М., Шералы Б.С.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, *e-mail: dauletdd@mail.ru

ИСКАЖЕННАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье анализируются психологические аспекты исследования феноменологии религиозного экстремизма и терроризма в контексте современной социально-психологической и общественно-политической реальности в Республике Казахстан. Подчеркивается необходимость превентивных исследований и мер противодействия терроризму не только в правовом, но и в психологическом аспекте. Рассматриваются психопатологический и пограничный подходы к исследованию деструктивной личности, нарциссический комплекс и аномия, влияние акцентуированных черт личности на «закрытость» сознания и предельное сужение мировосприятия. Раскрываются социально-психологические факторы, приводящие к деструктивной трансформации обыденного сознания, искажению ментальности и поведенческим последствиям. В связи с этим экстремистский тип сознания определяется как психологический механизм, задающий «идейное» обоснование религиозному фанатизму и террору.

Раскрываются психологические предпосылки и условия становления и развития деструктивной идеологии и ее дальнейшего распространения среди маргинальной молодежи, быстро и легко поддающейся деструктивной обработке. Рассматриваются перспективы экспертно-психологических исследований в сфере антитеррористической деятельности, позволяющие определять «удельный вес» и силу влияния различных факторов на уровень распространения религиозно-политического экстремизма, уровень вероятностной опасности возникновения терроризма, уровень эффективности мер противодействия распространению радикальной идеологии.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, терроризм, деструктивное поведение, «закрытость» сознания.

Duisenbekov D., Nuradinov A., Abreleva M., Sheraly B.
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, *e-mail: dauletdd@mail.ru

Distorted mentality of extremism and terrorism in the context of psychological research-studies

A paper reveals and analyses certain psychological issues and research data concerning religious extremism and terrorist activity in the context of modern social-psychological and social-political reality in the Republic of Kazakhstan. It emphasizes the need for preventive research and measures to counter terrorism not only in the legal but also in the psychological aspect. The psychopathological and borderline approaches to the study of a destructive personality, the narcissistic complex and anomie, the influence of accentuated personality traits on the «closeness» of consciousness and the narrowing of the world perception are considered. Social and psychological factors that lead to the destructive transformation of ordinary consciousness, distortion of mentality and behavioral consequences are revealed. In this regard, an extremist type of consciousness is defined as a psychological mechanism that sets the «ideological» rationale for religious fanaticism and terror.

There are revealed psychological preconditions of destructive ideology forming and development and its further spreading in marginal surroundings. Prospects for expert-psychological research in the field of antiterrorist activities are considered, allowing to determine the «share» and the influence of various factors on the level of religious and political extremism, the level of prob-

able danger of terrorism, the level of effectiveness of countermeasures against the spread of radical ideology.

Key words: religious extremism, terrorism, destructive behavior, «closedness» of consciousness.

*Дуйсенбеков Д.Д., Нурадинов А.С., Абрелева М.М., Шералы Б.С.
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., *e-mail: dauletdd@mail.ru

Психологиялық зерттеулердің өрісіндегі экстремизм мен терроризмнің бұзылып өзгертілген менталитеті

Мақалада Қазақстан Республикасындағы бүгінгі әлеуметтік-психологиялық және қоғамдық-саяси болмысқа сай діни экстремизм мен террорлық әрекеттерге қатысты психологиялық зерттеу аспектілері талқыланады. Терроризмге қарсы қолданылатын шаралардың және алдын ала істелінетін зерттеулердің қажеттілігі құқықтық және психологиялық аспектілерінде белгіленеді. Деструктивті тұлғаны зерттеудегі психопатологиялық және шекаралық бағыттар мен нарцистік комплекс пен аномия құбылысы, тұлғаның акценттелген бітістердің сана-сезімнің «жабықтығына» және дүниетанымның шектелуіне әсері қарастырылады. Күнделікті сана-сезімнің деструктивті трансформациясына, менталды бұрмалау мен жүріс-тұрыстық салдарына келтіретін әлеуметтік-психологиялық факторлар айқындалады. Осымен байланысты сана-сезімнің экстремистік түрі діни фанатизм мен террорға «идеялық» негіздеуді жүзеге асыратын психологиялық механизм ретінде анықталады. Деструктивті идеологияның қалыптасуы мен дамуының және оның маргиналды ортадағы әрі қарай жайылуының психологиялық алғы шарттары айқындалады. Терроризмге қарсы сараптамалық-психологиялық зерттеулердің беталыстары, діни-саяси экстремизмнің жайылуына, терроризмнің қалыптасуына келтіретін түрлі факторлардың әсері мен күші, радикалды идеологияның жайылуына қарсы істелінетін шаралардың деңгейі қарастырылады.

Түйін сөздер: діни экстремизм, терроризм, деструктивті жүріс-тұрыс, сана-сезімнің «жабықтығы».

Введение

Государство, общество и наука должны выстраивать адекватную систему противодействия современной угрозе экстремизма и терроризма. Деструктивная религиозная идеология выступает в качестве удобного прикрытия для большинства действующих в центрально-азиатском регионе экстремистских организаций. В настоящее время так называемый религиозный экстремизм стал одним из доминирующих источников региональных вооруженных конфликтов и терроризма по всему миру. Сегодня в нашей стране необходимы превентивные исследования и меры для противодействия терроризму не только в правовом, но и в психологическом аспекте.

Казахстан можно было бы назвать государством, свободным от угрозы терроризма, до событий в Атырау, Алматы, Боралдае, Таразе, Актобе. О динамике роста террористической угрозы в нашей стране говорят данные представителей правоохранительных органов, социологов и политологов.

Географическое положение Казахстана способствует тому, что он служит тыловой базой и транзитной зоной для экстремистов, террорис-

тов по пути следования из других республик Средней Азии в Российскую Федерацию, в частности, на Северный Кавказ.

Если в ряде стран арабского востока, в Индии, Афганистане и Пакистане, Израиле и других, терроризм имеет длительную историю возникновения и развития, то для Казахстана, ранее имевшего репутацию безопасного с этой точки зрения государства, это сравнительно новое явление. Сегодня эта проблема требует противодействия терроризму не только в правовом, но и в психологическом отношении. В силу низкой разработанности этой проблемы в отечественной науке практикующие специалисты обращаются к опыту зарубежных психологов (Post, 2008; Horgan, 2014). Однако их опыт невозможно механически перенести на «казахстанскую почву», поскольку деструктивная личность социализируется и формируется в условиях конкретного социума со свойственными ему социально-экономическими условиями, этнокультурной спецификой и ментальностью, оказывающих влияние на предпосылки трансформации личности «обычного казахстанца» в экстремиста с деструктивными поведенческими проявлениями или даже террориста, представляющего реальную угрозу обществу.

Основная часть

В постсоветской психологии для объяснения причин вовлечения в террористическую деятельность, а также особой жестокости, циничности и фанатичности террористов выделяются три основных подхода к пониманию их личности – психопатологический, пограничный и психодинамический, реализующиеся в сферах юридической, политической и кризисной психологии. В рамках данной статьи анализируются первые два подхода, как разработанные наиболее детально.

Психопатологический подход основывается на представлении о деструктивности и нарциссизме как черт личности, детерминирующих склонность человека к экстремистскому поведению и к террористической деятельности. В качестве исходных при этом выступают неопсихоаналитическая теория человеческой деструктивности Э. Фромма и психоаналитическая теория влечений З. Фрейда. В соответствии с ними, адекватное объяснение детерминации поведения террористов дает описанная Э. Фроммом «злокачественная агрессия», или деструктивность (Фромм, 2010; Фрейд, 2010). Феномен деструктивности, лишенный биологического смысла, является особенностью человеческой психики и определяется как эволюционная аномалия. Деструктивность характерна для угнетенных и маргинальных социальных групп, стремящихся к мести и захвату власти, и проявляется как садизм, садомазохизм и некрофилия.

Патологическая форма садизма как стремление к неограниченной власти, трансформирует деструктивные интенции личности в иллюзию всемогущества. Мазохизм же проявляется в стремлении подчинить себя другим, отказаться от свободы ради собственной безопасности, а садомазохизм – в жалости к себе и «своим» в сочетании с ненавистью к реальному или вымышленному противнику и готовностью к самопожертвованию. Некрофилия определяется как влечение деструктивной личности к смерти, разрушению, обращенность в прошлое и убежденность в том, что насилие является адекватным способом решения проблем и конфликтов (Фромм, 2010).

Для личности террориста характерно наличие нарциссического комплекса (Антонян, Бородин, 1998). Применительно к этнорелигиозному экстремизму и терроризму он проявляется в форме самолюбования, декларирования утверждений о собственной исключительности

и особых правах своей национальной и религиозной группы и ее представителей, а также в убежденности террористов в том, что они обладают единственно верной («чистой») религией или политической доктриной. По мнению Э. Фромма, нарциссизм – одна из главных причин деструктивности, любая форма которого – религиозная, расовая и политическая – неизбежно ведет к фанатизму и готовности к уничтожению любых «иных».

В контексте второго подхода личность террориста рассматривается как уже не вполне нормальная, но еще не патологическая, т.е. аномальная. Ее специфика обусловлена близостью к психике «человека толпы», «человека с искаженной логикой» (неспособностью к диалогу, компромиссам) и потому требующей компенсации своей «психологической ущербности» (Ольшанский, 2002).

Анализируя особенности личности террориста, ряд российских исследователей наряду с психической нормальностью террористов отмечают наличие определенных акцентуированных черт. Эти черты личности, по их мнению, делают террористов неспособными к различению добра и зла (Введенская, Дзигумская, Решетников, 2004; Сляднева, 2005). По мнению Э. Дюркгейма, аномия отражает пограничную между нормой и патологией жизненную ситуацию, возникающую в кризисные периоды развития общества, где личность теряет ценностные и моральные ориентиры, сдерживавшие деструктивное поведение (Почебут, 2004). При этом для экстремистов и террористов характерно использование бессознательной самозащиты, наиболее часто как механизма проекции, когда собственная ответственность за насилие объясняется и оправдывается внешними обстоятельствами и пороками общества.

Вместе с тем в представлениях второго подхода отчетливо прослеживается другая тенденция, подчеркивающая приоритет роли сознания, а не личностных черт личности (патологических или акцентуированных). Смыслообразующее начало экстремистского поведения и трансформации личности обычного гражданина в террориста лежит в упрощенной логике, которая основана на абсолютизации «единственно верной идеи», не допускающей в сознание любую иную, противоречащую ей мысль. Эта особенность регуляции поведения со стороны сознания названа Д.В. Ольшанским «моноидеизмом», В.В. Витюком и С.А. Эфировым – «экстремистским типом сознания», Ю.М. Антоняном – «закрытым» ти-

пом личности, Б.Г. Чурковым – «экстремистским сознанием».

Как считает Ю.М. Антонян, именно «закрытость» сознания дает основание признать достоверным факт существования экстремистского типа личности, склонной к террору. Для такого «экстремистского типа сознания» характерны предельная нетерпимость к инакомыслию и фанатизм, порожденные максималистским идеалистическим утопизмом, ненавистью к существующему строю и обостренным чувством отверженности. Поэтому террористам свойственна твердая вера в обладание абсолютной, единственной и окончательной истиной, собственную исключительность и предназначение. Подобная вера может быть как эмоциональной, так и основывающейся на «рациональных», идеологических установках. «Закрытость» сознания и фанатизм приводят к предельному сужению мировосприятия. Мир разделяется на противостоящие «Мы – Они». При этом «Мы» – это носители абсолютного добра, а «Они» (иные) – абсолютного зла, подлежащего уничтожению. Отражение действительности в таком сознании меняется до такой степени, что утрачивается связь с реальным миром, а само же сознание становится мифологизированным и, в конечном счете, радикализованным, способствующим реализации деструктивного и экстремистского поведения (Антонян, 2006).

Поэтому фанатизм и жестокость террористов являются следствием не столько патологии личности, а закономерным проявлением экстремистского сознания на уровне поведения (Post, 2008). Именно экстремистский тип сознания санкционирует и дает «идейное» обоснование террору. В этой связи Д.В. Ольшанский подчеркивает, что терроризм это не профессия, а определенный образ жизни и деятельности, основанный на мировоззрении, которое полностью захватывает человека и подчиняет его себе. Поэтому, прежде чем стать экстремистским, обыденное сознание человека должно обрести соответствующие идеологические установки (Ольшанский, 2002).

Подход к пониманию личности и поведения террористов с позиции происходящей трансформации сознания обладает большей объяснительной силой, чем подходы с позиции психопатологии или отдельных личностных качеств. Он отвечает на вопросы о том, почему невозможно составить единый психологический профиль качеств личности террориста; почему мгновенно изменяется личность с момента вовлечения в террористическую организацию («был обыч-

ный парень и словно его подменили»); почему не поддается перевоспитанию и ресоциализации террорист, если это не случайный человек в организации. Неслучайно террорист даже в заключении продолжает «священную борьбу» и агитацию, потому что в силу трансформированного сознания чувствует себя не преступником, а «мучеником и борцом за идею». Никакие меры перевоспитания и ресоциализации не будут эффективны до тех пор, пока они будут проходить «мимо» сознания. Именно в направлении противодействия факторам, способствующим трансформации сознания населения, должна вестись работа, нацеленная на профилактику распространения религиозно-политического экстремизма как основную прикладную задачу психологии экстремизма и терроризма.

Деструктивная идеология насилия основана на мифологизации социальной реальности, обосновывающей насилие, и как форма искаженной ментальности она «связана с субъективной ролью насилия как приемлемого, и, более того, необходимого инструмента достижения целей (в основном политически-сепаратистских и/или религиозно-фанатических), причем инструмент (насилие) часто приобретает самостоятельную ценность и мотивирующую силу» (Зинченко, 2007). Для формирования таких идеологических установок чаще всего и конъюнктурно используется религия, которая в силу свойственной ей функции интеграции, объединяет людей в группу, придает ей общий смысл, помогает найти свое место в окружающем мире.

Деструктивная, террорная политизация ислама в форме распространения псевдоислама достигается манипулированием со стороны экстремистских сил исламскими концепциями основ власти и права, отношений человека и государства и общества. Будучи конъюнктурно вырванными из контекста исламской культуры, различные концептуальные представления используются для идеологического обоснования насилия среди малообразованного в религиозном отношении населения.

Подобная идеологическая обработка населения нацелена на доказательство политического происхождения нерешенных проблем («кто виноват?»). При этом для психологической восприимчивости такой идеологии необходим внутренний фактор – мотивация принятия ее как «руководства к действию». Ядром такой мотивации является насущная потребность в таком устройстве общества, которое соответствовало бы ценностям справедливого обу-

ройства общества и равенства. При этом аргументация основана на апелляции к ценностям ислама (социальная справедливость и равенство), допускающим в соответствии с шариатом насильственное свержение правительства, которое не придерживается в своей деятельности норм социальной справедливости. Такая псевдо-идеологическая доктрина дает обоснование пути и способов решения экономических, социально-политических проблем («что делать?»), санкционируя насилие, террор против действующих политических систем как способ установления исламской справедливости (через создание халифата).

Как показывает развитие внутренней ситуации в Казахстане, все произошедшие террористические акции исходили от лиц, усвоивших изначально деструктивную идеологию религиозно-политического экстремизма. Террористические акции в республике тесно переплетаются с политическим и религиозным экстремизмом, поэтому казахстанские специалисты часто используют понятия «религиозно-политический экстремизм» и «терроризм» как синонимы. Их взаимосвязанность некоторые зарубежные и российские специалисты рассматривают, привлекая для объяснения такие понятия, как «терроризм с исламистским уклоном – глобальный джихад», «религиозный терроризм», «исламский терроризм». Вместе с тем, экстремизм и террор могут ассоциироваться с любой другой религией помимо ислама, с политическими и националистическими позициями разного толка. Так, например, произошедшее в этом году вооруженное нападение на две мечети в новозеландском городе Крайстчерч, в результате которого погибли 49 человек и еще 48 получили ранения. Совершивший данный теракт 28-летний австралиец Брентон Таррант опубликовал в Сети 74-страничный «манифест», объясняющий его мотивы. Он написал, что в мире идет замена европейцев людьми с другим цветом кожи, белая раса в опасности. В заявлении Брентона содержатся крайне радикальные экстремистские высказывания, декларируются цитаты из библии неонацизма. Себя же Таррант называет «эко-фашистом». Весь его манифест пропитан ненавистью к людям другой расы, к мигрантам. С целью распространения своих деструктивных взглядов во время атаки Таррант вел прямую трансляцию убийств в соцсетях в течение 17 минут.

По данным МВД, почти 80 % привлеченных к ответственности за экстремизм и терроризм – это люди в возрасте от 19 до 28 лет. Это

именно те, у кого еще недостаточно устойчивы нравственные и жизненные принципы, не сформированы ценностные ориентиры и, как следствие, они достаточно быстро и легко подвергаются деструктивной обработке. При этом адептами международного экстремизма и террора широко используется богатый набор психологических приемов вовлечения молодых людей в деструктивную активность на фоне социально-экономических проблем, имеющих место в любой стране. Жертвами такого воздействия становятся также и молодые осужденные в местах лишения свободы, где деструктивная религиозная идеология распространяется намного быстрее, чем на воле.

В обществе уже появились предпосылки для социального запроса на разработку комплексного подхода к изучению психологии этих социально-политических феноменов. Как показывает опыт предварительных исследований, применение в этих целях социально-психодиагностического комплекса методик, в частности, метода анализа иерархии (МАИ) может оказываться перспективным и объективным для экспертной оценки сценариев развития внутривнутриполитической ситуации (Абрелева и др., 2013).

Результаты, получаемые в контексте системных психометрических процедур, позволяют определить «удельный вес» и силу влияния различных факторов на уровень распространения религиозно-политического экстремизма, уровень вероятностной опасности распространения экстремизма и терроризма, уровень эффективности мер противодействия распространению радикальной идеологии.

В зарубежной психологии накоплен богатый опыт по созданию психологического портрета преступников, включая террористов, участие в расследовании преступления, разработке методики ведения допроса и получения объективной информации картины преступления (Post, 2008; Horgan, 2014). Главным образом, это психофизиологические обследования с применением всевозможных аппаратных средств, таких, как полиграф (детектор лжи), и их всевозможных модификаций, также это комплексные личностно-ориентированные исследования, учитывающие особенности функционирования эндокринной системы организма, ее влияние на поведение человека. Поэтому заимствование передовых зарубежных разработок в сфере оперативной психодиагностики, их внедрение и адаптация применительно к нашим социально-психологическим и политическим реалиям, а также созда-

ние и развитие собственных исследовательских технологий является перспективной задачей практических психологов, работающих и проводящих исследования в сфере изучения деструктивного поведения и деятельности, явлений экстремизма и терроризма.

Перспективным является применение в этих целях метода анализа иерархии (МАИ). Результаты применения данной методики указывают на его перспективность и объективность в экспертной оценке сценариев развития внутривнутриполитической ситуации, анализа кризисных явлений в обществе и их последствий.

Метод анализ иерархии (МАИ) широко используется за рубежом и получил распространение в России. Он создан американским ученым Т. Саати как математический инструмент для принятия системного решения по проблемам, которые представляют собой плохо формализованные задачи, т.е. не поддаются количественному измерению и стандартизированным оценкам.

Метод анализ иерархии возник на стыке математики и психологии (психофизики Э. Вебера и Г. Фехнера) и является «психометрической процедурой субъективного шкалирования методом парных сравнений». Результаты, полученные посредством МАИ, позволяют определить «удельный вес» и силу влияния различных социально-политических факторов и социально-психологических условий и предпосылок, спо-

собствующих деструктивному поведению и деятельности, уровень распространения религиозно-политического экстремизма, уровень опасности распространения экстремизма и терроризма, уровень эффективности мер противодействия распространению радикальной идеологии.

Выводы

В современных условиях необходимо не только понимание самой сущности терроризма, но и научное обоснование экспертно-психологических исследований в сфере изучения деструктивного поведения, экстремистской активности и антитеррористической деятельности.

В исследовательском отношении перспективной проблемой является разработка и адаптация уже имеющихся в зарубежной психологии методик, таких, как, например, техника интервьюирования, различные версии методики психологического анализа личности преступника, метод составления психологического профиля лиц, склонных к деструктивному и экстремистскому поведению, а также к террору, как их вероятного последствия. Практический результат такого рода научных исследований – разработка комплекса научно-обоснованных психологических рекомендаций по совершенствованию организации антитеррористической деятельности в Казахстане.

Литература

- Абрелева М.М., Нурадинов А.С., Дуйсенбеков Д.Д. Психологические аспекты проблемы религиозно-политического экстремизма и терроризма в Казахстане // Психология XXI века: теория, практика, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию образования Национального университета Узбекистана и 40-летию создания кафедры психологии, 22 мая 2013 года. – Ташкент: MUMTOZ SO‘Z, 2013. – С. 43-46.
- Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Спарк, 1998. – 536 с.
- Антонян Ю.М. Этнорелигиозный экстремизм. – М.: Институт гуманитарного образования, 2006. – 432 с.
- Введенская Т.Ю., Дзигумская Е.А. Международный терроризм: психологический аспект (личность, феномен терроризма). – Режим доступа: <http://psyfactor.org/terror2.htm>.
- Витюк В.В. Некоторые проблемы терроризма в аспекте современных конфликтных ситуаций (соображения террологов) // В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 4. Терроризм, 1993. – С. 53-62.
- Зинченко Ю. П. Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности // Вестник Московского университета. Серия Психология. – 2007. – № 4. – С. 3-7
- Horgan J. The Psychology of Terrorism (Political Violence). – NY: Routledge; 2 edition, 2014. – 206 p.
- Ольшанский Д.В. Психология террора. – М.: Академический проект, 2002. – 320 с.
- Post J.M. Mind of the Terrorist. The Psychology of Terrorism from the IRA to Al-Qaeda. – NY: St. Martin's Griffin, 2008. – 320 p.
- Почебут Л.Г. Социальная психология толпы. – СПб.: Речь, 2004. – 240 с.
- Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / под ред. М.М. Решетникова. – СПб: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 2004. – 352 с.
- Сляднева О.В. Психологическое рассмотрение проблемы насилия и террора – Ставрополь, 2005. – МВД России. – 79 с.
- Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Очерки по психологии сексуальности. – Минск: Попурри, 2010. – 480 с.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: «АСТ, Астрель», 2010. – 218 с.

Чурков Б.Г. Мотивационные и идейные основания современного терроризма // В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 4. Терроризм, 1993. – С. 49-56.

Эфиров С.А. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. № 4. 1995. – С.24-32.

References

Abreleva M.M., Nuradinov A.S. Duisenbekov D.D. (2013) Psikhologicheskiye problemy religiozno-politicheskogo ekstremizma i terrorizma v Kazahstane [Psychological Problems of Religious-Political Extremism and Terrorism in Kazakhstan]. *Psychology of XXI Century: Theory, Practice, Prospects. Materials of International Scientific-Practical Conference Devoted to 95-th Anniversary of the National University of Uzbekistan and 40-th Anniversary of the Department of Psychology*. Tashkent: MUMTOZ SO‘Z, pp. 43-46.

Antonyan Yu.M. (2006) Etnoreligiozniy ekstremizm [Ethno-religious Extremism]. M.: Institute of Humanitarian Education, 432 p.

Antonyan Yu.M., Borodin S.V. (1998) Prestupnoye povedenie i psikhicheskiye anomalii [Criminal Behavior and Psychical Anomalies] Ed. by V.N. Kudryavtsev, M.: Spark, 536 p.

Churkov B.G. (1993) Motivatsionnuyye i ideinye osnovaniya covremennogo terrorizma [Motivational and Ideological Bases of Modern Terrorism *Social Conflicts: Expertise, Prediction, Technology of Solving*, Vol. 4, pp. 49-56.

Efirov S.A. (1995) Terrorizm: psikhologicheskiye korni i pravovyye otsenki [Terrorism: psychological roots and legal valuations]. *State and Law*, no 4, pp. 24-32.

Freud Z. (2010) Po tu storonu printzipa udovol'stviya. Ocherki po psikhologii seksualnosti [Beyond the Pleasure Principle. Essays on Psychology of Sexuality]. Minsk: Popurry, 480 p.

Fromm E.(2010) Anatomya chelovecheskoi destruktivnosti [The Anatomy of Human Destructiveness]. M.: “AST, Astrel”, 218 p.

Horgan J. (2014) The Psychology of Terrorism (Political Violence). New York: Routledge, 2 edition, 206 p.

Olshanski D.V.(2002) Psikhologiya terrora [Psychology of Terror]. M.: Academic Project, 320 p.

Pochebut L.G. (2004) Sotsyalnaya psikhologiya tolpy [Social Psychology of the Crowd]. SPb.: Retch, 240 p.

Post J.M. (2008) Mind of the Terrorist. The Psychology of Terrorism from the IRA to Al-Qaeda. New York: St. Martin’s Griffin, 320 p.

Reshetnikov M.M. (2004) Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnyye strategiyi antiterrora [Psychology and Psychopathology of Terrorism. Humanitarian Strategies of Anti-Terror]. SPb: East-European Institute of Psychoanalysis, 352 p.

Slyadneva O.V. (2005) Psikhologicheskoye rassmotreniye problemy nasiliya i terrora [Psychological Consideration of the Problem of Violence and Terror]. Stavropol, Ministry of Internal Affairs of Russia, 79 p.

Vedenskaya T.Yu., Dzigumskaya E.A. Mezhdunarodnyi terrorizm: psikhologicheskiy aspekt (litchnost, fenomen terrorizma) [International Terrorism: Psychological Aspect (Personality, Phenomenon of terrorism)]. Access mode: <http://psyfactor.org/terror2.htm>.

Vityuk V.V. (1993) Nekotoruyye problemy terrorizma v aspekte covremennykh konfliktnykh situatsiy (soobrazheniya terrologov) [Some Problems of Terrorism in the Aspect of Modern Conflict Situations (Opinions of Terrologists)]. *Social Conflicts: Expertise, Prediction, Technology of Solving*, Vol. 4, pp. 53-62.

Zinchenko Yu.P. (2007) Psikhologicheskiy portret terrorizma: istoki terrorizma kak sotsialnoy formy identichnosti [Psychological Portrait of Terrorism: Roots of Terrorism as a Social Form of Identity]. *Moscow University Herald. Series 14: Psychology*, no. 4, pp. 3-7.